

МОСКВА
ACT

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
К17

Книга публикуется в авторской редакции

Каллен, Никки

К17   Рассказы о Розе. Side A / Никки Каллен. — Москва: АСТ, 2015. — 544 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-088678-4

Добро пожаловать в мир Никки Каллен, красивых и сложных историй о героях, которые в очередной раз пытаются изменить мир к лучшему. Готовьтесь: будет — полуразрушенный замок на берегу моря, он назван в честь красивой женщины и полон витражей, где сражаются рыцари во имя Розы — Девы Марии и славы Христовой, много лекций по истории искусства, еды, драк — и целая толпа испорченных одарённых мальчишек, которые повзрослеют на ваших глазах и разобьют вам сердце.

Например, Тео Адорно. Тео всего четырнадцать, а он уже известный художник комиксов, денди, нравится девочкам, но Тео этого мало: ведь где-то там, за рассветным туманом, всегда есть то, от чего болит и расцветает душа — небо, огромное, золотое — и до неба не доехать на велосипеде...

Или Дэмьен Оуэн — у него тёмные волосы и карие глаза, и чудесная улыбка с ямочками; все, что любит Дэмьен, — это книги и Церковь. Дэмьен приезжает разобрать Соборную библиотеку — но Собор прячет в своих стенах ой как много тайн, которые могут и убить маленького красивого библиотекаря.

А также: воскрешение Иисуса-Короля, Смерть — шофёр на чёрном «майбахе», опера «Богема» со свечами, самые красивые женщины, экзорцист и путешественник во времени Дилан Томас, возрождение Инквизиции не за горами и споры о Леонардо Ди Каприо во время Великого Поста — мы очень старались, чтобы вы не скучали. Вперёд, дорогой читатель, нас ждут великие дела, целый розовый сад.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-088678-4

© Никки Каллен, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ТРОЕ И РЕКА

*Из сборника мемуаров о Каролусе-Дюране,
рассказ Люэса Д.*

«**М**арк Аврелий, я — Люэс, и Каролус — два моих лучших друга, the bestовских, если можно так сказать, супер, как золотом пишут на эпохальных дисках — «Greatest Hits» — я — ди-джей на радио, потому я так странно говорю — быстро, много лишнего, эфир забиваю — так вот — случилось сие в июне, жара только наступала на город, как за одну неделю нас троих снесло — кого на камни, кого на берег, кого потащило в неизвестные дали, океан там, акулы, пираньи — нас всех бросили наши любимые, милые, возлюбленные, драгоценные, улады душ и отрады глаз, наши девушки: Марка Аврелия — Анна во вторник, Каролуса Марисоль в среду; а меня, слугу вашего покорного, Люэса Джастин в субботу — по сей день этот ненавижу — выбросила вещи на площадку: коробку с CD, пару джинсов и три свитера — видно, я довел ее своей болтовней; ну, если честно, я крутил параллельно с одной еще девушкой, но это было несерьезно, но Джастин этого, конечно, слушать не стала... Довольно грустно — ведь я устал за день, хотел есть и так её сильно любил, её, не ту девушку, не знаю, зачем мне это было нужно, какой-то роман нелепый на стороне, когда я точно знал, что люблю Джастин — будто форму проверял, могу еще понравится кому-то...

Мы всегда собираемся у Марка Аврелия — у него огромная квартира, полная книг — их коллекционировал его отец,

тоже поэт, и вина — вино коллекционирует Марк — мы напились, само собой, и стали обсуждать наше бесконечное и, в общем-то, вечное горе — как море... В итоге обсудить мы ничего не успели, потому как сразу сильно напились. Брат Марка, Юэн, был у бабушки, в отъезде, обжирался садово-огородными предметами роскоши, вообще, они сироты, Марк растил Юэна с пяти лет, сам тогда еще пятнадцатилетний, когда родители умерли.... Я как-то, на середине рассказа о чем-то, заснул и проснулся — утром, рано-рано, на рассвете, — от холода — окно забыли закрыть; в нем, открытом нараспашку, сквозь ветки почти черные, розовые полосы плывут, будто бутон огромный распускается — розы гигантской — над городом. Я вылез из кресла, в котором отрубился, все болело — ужасно это, спать в кресле — ненавижу самолеты — споткнулся о свой бокал, у Марка Аврелия они настоящие, из старинного стекла, высокие, широкие, Каролюс еще на этих бокалах играть умеет — арию из какой-то старинной оперы, которая в «Пятом элементе». Он спал недалеко, на софе, а храп Марка Аврелия доносился из спальни — видно, я один такой придурок, что в кресле задрых — все остальные расположились с удобством... Я подошел к окну, свесился, подумал: «блевануть или не блевануть?», но по двору пошла злючая соседка с бидоном, а у братьев и так репутация не очень. Второй моей мыслью была: «а чего она так рано и с бидоном, что за дичь?», и вдруг увидел подъезжающую машину с надписью «Молоко» — так здорово, фермеры приезжают, привозят молоко рано утром; подумал, что можно попить молока с хлебом, омлет сделать — культурное утро — а то свинство полное получилось вчера, о чем твердила разбитая посуда с какой-то семгой, и откуда спрашивается? в соусе — везде по полу... спаниеля Гая Юэн увез с собой на дачу, подъезд-убрать некому... От крика «Молоко! Творог! Сметана!» зашевелился Каролюс на софе; глаза его разомкнулись, когда я нагнулся вытаскивать из пиджака его деньги на молоко.

— Купи пива, — сказал он.

— Нет, — ответил я и ушел, дверь хлопнула и окно тоже — сквозняк. На площадке было темно, свет общий уже отключили; по лестнице поднимался сосед братьев — Льюис, совершенной красоты парень; мы познакомились, когда в очеред-

ной раз вместе ловили Гая на лестнице — он поймал, мы знакомимся: «Люэс», «Льюис» — и засмеялись сразу... Он шел в черном костюме и белой рубашке, свежесрезанные розы мокли на плече и руке — такого букетища я не видел еще. Все разноцветные.

— Красота, — сказал я, — откуда в такую рань?

— От крестной, — он расправил один цветок, похожий на наступающий рассвет за окном... Ресницы легли на шелковые щеки сизо-синей тенью — сумерки. Блин, до чего люди красивые бывают! Рядом с ним верилось, что звезды существуют, что это кому-нибудь нужно, нужна же миру была «Yesterday» — и ее написали. Может, он был немного женственным, Льюис, но с парнями я его не видел, так что он просто неземной. — Только что приехал. Из Лидье, — это город-пригород Гель-Грина, весь в белых домах, на пафосе весь такой, Санта-Моника Гель-Гриновская, — а ты чего помятый, как из стирки? Пили? — он тоже иногда пил с нами. Видели б вы, как изящно он блевал. Так только Каролус еще умеет.

— Ага, — и не стал уточнять почему — ну, с другом-коллекционером вина повод не нужен.

— Ну-ну, — сказал он. — Хочешь розу?

И не дожидаясь ответа, воткнул мне за ухо, в рыжие мои, апельсиновые волосы. Шип оцарапал кожу. Будто в рыцари посвятил — никогда мне роз не дарили так...

Я купил молока литр, пару пачек мороженого и пошел обратно. Розу подарил молочнице — ну, приятная оказалась женщина, пусть; но, оказывается, в дверь Льюис воткнул еще две — как он узнал, сколько нас было...

Моя была желтой; Марк Аврелий взял себе белую — засушил в Перес-Реверте; а Каролусу досталась в итоге розовая с белыми кончиками, а внутри — будто капелька красная — такая редкая штучка — Каролус сказал, что вообще, это мутант, таких роз не бывает, одна вот такая случайно уродилась... Он пил молоко и покусывал её лепестки за завтраком. Может, их описать? Ну, Марк невысокий, немного горбится, потому что читает вечно, и даже Гай не может отвлечь его на прогулках — Марк с собой книгу всегда берет; волосы у него темные, такие каштановые, это коричневый с краснотой темной; смуглый от природы, и летом не загорает, просто живет, не беспо-

коясь; сильный очень, добрый, умный. Лицо немного удлиненное, нос тоже — в общем-то, не красавец, просто приятный. Джастин как-то сказала, что у него красивый рот — малиновый, мягкий, такой... будто улыбается всегда, даже когда Марк Аврелий спит; девушкам виднее. Одевается Марк Аврелий хорошо, удобно смотреть на него — свитера светлые, куртка кожаная светло-коричневая, ботинки мягкие или кроссовки хорошие, ношенные вельветовые брюки.

Я считал Каролюса самым красивым из знакомых мне парней. Вообще, красивых знакомых у меня много — взять, к примеру, друзей на радио — ди-джеев, Сина или Зеню, который его сменил... Син просто римский бог; Зеня даже моделью подрабатывал. Но в Каролюсе есть что-то такое... средневековое, смотришь на него, когда он закуривает или музыку слушает, и думаешь — ему бы меч и латы, или рясу с крестом, или берет весь в перьях... У него внешность, которая будит воображение. Лицо такое тонкое, будто высеченное из камня старым мастером, из тех, кому не лень корпеть над каждым изгибом; такое гипнотическое лицо — большинство из нас же сделано наспех, даже улыбается несимпатично... Он тоже темноволосый, но просто, без игры света; нос тонкий, губы тонкие, ресниц без счета и черные брови к переносице как стрелы летят к цели; на подбородке шрам, как у актера Харрисона Форда — в драке расшибли. Без этого шрама — девчонка девчонкой, а так — почти мачо... Я любил Каролюса любовью как котят любят или на звезды смотрят — безусловно... Одежды на Каролюсе незаметно от красоты, оттого и завидно. Но так — в общем, джинсы да рубашки поверх, и пиджаки.

Мы сидели и курили, после молока-то, и было, несмотря на чудо роз, тошно.

— Что же нам теперь делать? — повторял Каролюс. Марисоль ему очень нравилась, они вместе танцевали в клубе, у них был общий номер, он говорил, что она — танец его мечты, всё такое; но она сказала загадочное — «ты не создан для такой жизни; тебе женщины вообще не нужны; тебе вообще ничего не нужно; ты живешь одним днем; а я хочу замуж, детей когда-нибудь» «ну, я парень честный, католик, женился бы, если она так хочет; так она не хочет; думает, я Ян Кертис какой-нибудь, наверное». Марк Аврелий пускал дымные колечки.

Анна его ушла к другому, прямо вот собрала вещи и ушла — хотя они очень долго были вместе — лет пять, наверное. Тоже, наверное, хотела замуж и детей. Ох, женщины... Сейчас я расскажу о Джастин, я не могу без этого — просто чтобы вы поняли, какая она.

Джастин была сама весна. Я встретил её в пасмурный весенний день, когда тепло — курточку расстегиваешь, и небо жемчужное — так и ждешь с неба снежинок, как божьего благословения... Она шла среди тысячи девушек из консерватории, в черной юбке с подсолнухами, книжка в одной руке, спящая скрипка в футляре в другой, и каблук этот высокий, она всегда по весне выше меня, шнурки болтаются, изгиб ноги, уходящий из каблука под юбку — у меня в глазах зрочки расширились от её красоты... Вот я ее так и увидел в толпе — одну из тысячи — просто на улице. Она шла впереди меня, покачивая бахромой на юбке, и казалось, что её шаги — стук моего бедного сердца. Я шел за ней два квартала, сильно отставая, а то вдруг обернется и скрипкой въедет, как маньяку, она перешла дорогу, я стоял, потому что трамвай — он прошел, общественный транспорт, я взглянул вперед, вытянув шею, — а её уже не было, понимаете? У неё карие глаза и светлые волосы — как можно было жить дальше? Я бегал по улицам до сумерек, пришел домой и загрустил, потом пришел Каролус и обсмеял меня, и мы сели пить чай с лимоном и сливовым вареньем. Весна продолжалась и бушевала в моей крови. Хотелось любить и спать. Нашел её я только через пять недель, уже забыв почти: спустился в подвальчик — бар «Куприн», где собираются все умные, модельеры там молодые, вещи которых невозможно носить, их жертвы-модели, поэты, стихи которых нужно объяснять; там играли только джаз и классику, и там вечно тусовался парень, взявший мой конспект; я спустился туда, чуть ногу не свернул в темноте — я парень солнечный, неон мне противопоказан; а она там, в клубах интеллектуального дыма, играла на скрипке...

А теперь Каролус сидит за столом, цедит молоко с розой за ухом, а я на окне раскрытом, жопа, отъезжая за зиму, во двор свисает, и в квартиру влетают урбанистические звуки точнехонько по The Verve и Ministry; Марк Аврелий моет посуду, и мы рассуждаем, что делать, чтобы боль прошла.

— Можно пить месяц, — это Каролюс.

— А печень? — это я — студент меда, хоть и психология.

— Можно спать со всеми знакомыми, — это Марк. Можно подумать, ему будет не лень — он даже дверь может не открывать из-за лени. Вон, одну тарелку десять минут елозит губкой с «фейри» — в рекламе уже полгорода перемыли бы.

— А вензаболевания? — это опять я.

— У меня нет таких знакомых.

И мы погрузились в мысли. Потом Каролюс предложил поесть. Хмель выходил. Это, конечно, чисто по-женски — есть и избавляться постепенно от несчастья, но парням тоже помогает. Тем более, Каролюс, как все танцоры, много жрет и прекрасно готовит. Он сбацал омлет — соли точь-в-точь сколько надо, и молока не перелил и не недолил. И за едой озарило Аврелия. Он изрек:

— Я кретин. Слушайте, у нас же с Юэном дача есть, на берегу Лилиан, в лесище каком-то. Папа, по-моему, правда, её не достроил... Поехали? Дикарями поживем.

Мы с Каролюсом подумали, что да-да, хорошая идея — вглубь лесов, Уолден, «карпе диа», всё такое. Хотя стадия «дикарства» меня настораживала — Каролюсу-то ладно — он не учится, живет какой-то странной жизнью, танцует в ночном клубе, но вроде бы он из рабочей семьи, портовой, ему слово «топор» знакомо; а я деревья делю на те, что с листьями, и на те, что с иголками, мухомор съем от восторга перед красотой и сырым — и не умру ведь, блин, из вредности...

И мы решились. Я позвонил в больницу, где санитарничал за мелочь и практику, на радио — там сидел Зеня, тоже с похмелья — казалось, весь мир вчера пил; голос у него резкий и глубокий, я представляю всегда под него ночное небо над аэропортом. На радиостанции работали тогда я, он, Син и Кай, и две девушки приходящих, на подхвате, если из нас кто-то заболит или уедет...

Я упал на чемодан, сумку то есть. «Чего взять-то?» — а вроде сведущие в «дикарстве» Каролюс и Марк Аврелий и не знают.

— Ладно, — сказал Каролюс, — раз все тупые и теряют штаны, составим список. Что нам обязательно нужно взять? Щетка зубная — у каждого своя; полотенца не берем — будем

сохнуть естественным образом, тащить еще тяжесть... — и так далее. Даже ручку взял с листиком.

В список были включены кастрюлька, котелок; пара шампуров; ложки, кружки и ножи. Одно полотенце — всё-таки. Резиновые сапоги. Куча анальгина, аспирина, парацетамола, активированного угля, банка с перекисью водорода, вата, бинты и мотки лейкопластыря — это я. Джинсы сменные, носки, по рубашке и одна на всех футболку с надписью «Совы не то, чем они кажутся. Я хочу убить Дэвида Линча». Бритве мы презрели. В последний карман я заныкал батарейки на плеер, но Марк Аврелий вытряхнул их тоже с презрением: «Звуки природы будешь слушать». Куча еды засушенной, думаю — странно, вроде мы все тощие... Идешь на день — еды бери на неделю. Пледы, свитера, спиннинг и ружье.

— Черт, Гая бы, — вздохнул Марк — он охоту обожал. — А так, Люэс, ты или Каролюс, за утками бегать будете...

Потом мы ехали, трясясь по проселочным дорогам в синекрасном автобусе. Марк Аврелий спал. Каролюс смотрел в окно, я в другое. На лазурном небе плыли золотые облака. Как в песенке... золото на голубом. Древние гербы. Я думал — как быстро: утром розы и молоко, а вот вечер тяжелого дня, и мы уже поменяли свою жизнь — как песню в плейлисте переключить... Но невозможно разлюбить свою девушку сразу, даже если ты ввязался в большое приключение... «Облака, повторял я себе, облака, смотри, Люэс, описывай... Они похожи на лицо Джоконды — такие же непроницаемые»...

— Интересно, цел ли еще дом — уже ведь лет десять прошло, — единственная фраза Марка Аврелия за весь путь. Автобус выебало на выбоине, и мы, потрясенные дорогой, были счастливы это услышать — что дома, может быть, и нет...

Высадили нас в лесу. Остановка — пара железных скрепьев, проржавевших, и мелом «Курт Кобейн жив», и сразу за этой конструкцией лес, наполненный тысячей звуков, симфонический оркестр на репетиции. Каролюс уронил рюкзак на колено в темно-синей джинсе и флегматично сказал:

— Куда?

И закат лег на его волосы. Представьте — темнота его глаз, дорога из песка и камня, шелест ветвей и юноша, похожий на ветер, а не на человека, под закатным небом... Я как сейчас

помню этот закат, первый закат в лесу — и он был не дик, и не цивилизован, а ни с чем несравним; роза распустилась вечерняя, алая с кровавым подбоем — почему небо похоже на цветы? И мы пошли за спиной Марка Аврелия в коричневом свитере, тащившего пледы, ружье и треть еды.

Через два дня пришлось признать, что мы заблудились. В незнакомых лесах, на полянке, полной ромашек, стоял Марк Аврелий с компасом, чесал затылок, смотрел на компас — старый, дедовский, и повторял: «кажется, на северо-запад». Каролюс лежал в траве — среди солнца и теней — и смотрел в небо. Я прислонился спиной к прогретой солнцем, медом, янтарем коре и вел дневник. Я всегда веду дневник — такая обшарпанная тетрадка, в заднем кармане самых старых джинсов — Джим Кэрролл: «вчера мой дневник упал в ручей; мы нашли воду среди мхов и камня, в глубокой тени; нарвали грибов по пути. Нет ничего особенного в описаниях природы — после Тургенева и Торо трудно кого-то ими запугать; но какое же чудо — ручей; чернила растекались — ну и хрен на них; всё равно это были глупые стихи...».

— Предлагаю выйти к реке, — наконец, зевнул Каролюс, сжавившись над городским Марком Аврелием. — А потом пойдем вдоль реки и найдем дом... ты же говорил, что он совсем-совсем на реке?

— На берегу, — Марк вздохнул и тоже лег в траву.

Журчало и шелестело. Сотни радуг на ресницах. Незаметно мы заснули и проснулись только на закате. За шкирку Каролюсу заполз клещ...

...К реке мы вышли почти к ночи. Встали лагерем на её каменистом берегу — Марк Аврелий разжигал костер, а я при его свете убивал в Каролюсе клеща. Будто черта — Каролюс шипел и морщился, потом стал готовить в котелке — навалил крупы, соли — не знаю, что и как он так делает; но так съедобно и с тем самым острым ароматом костра и вкусом леса получалось только у Каролюса. Овсянка по-лесному — так и смеялся он; «завтра, Марк, попользуем спиннинг», и мы завалились на пледы спать под шелест нашей новой подружки — Лириан. Я, отоспавшись днем, под медом солнца, сам напитавшись им, как батарея, не мог заснуть, вертелся, нашел-таки удобную позу — левая нога в колено правой; руки за

затылком замком; сердце бьется, челка оранжевая дрожит в такт. Недалеко спал Каролус, я слышал его дыхание — среди тысяч звуков, упавших на меня — чем дольше на природе, тем тоньше слух; он дышал тихо и легко, казалось, из его души шел запах роз; ромашки не шли Каролусу — он был средневековым, из рыцарей — кровь на мече, прекрасная дама... Я слушал его дыхание и исполнялся слезами: как же так, уже сколько дней, а ни он, ни Марк ни разу не упомянули имен, а я: «Джастин!» готово было сорваться с языка с пчелиным роем страдательных слов; но они разговаривали о чем-то естественном — о закате, траве, забавной стрекозе или новом альбоме «Точки Росы» — и я давился своими поэтическими графоманскими измышлениями о Джастин... Любовную боль болью не назовешь — это стихи, плохие и нежные, как розовый крем в торте — такая пошлость... Я вздохнул, отвернулся от Каролуса и сел; костер мерцал, мерцала и вода — сколько жизни и в том, и в другом; мы сравниваем всё с человеческой душой — но вот бессмертие её сомнительно; а их — бесспорно — да, я понимаю, я говорю банальности — правда, это моя профессия, простите... Достал из рюкзака Аврелия сигареты и курил, сигареты были с ментолом, так странно; но Каролус не курит, а я свои уже скурил, не рассчитал, что мы так надолго уйдем... Так прошла моя первая ночь на реке...

Под самый рассвет я задремал, и вдруг мне послышался голос Зени. «Эй, говорил он, проснись, Люэс, я еду в свое учебное заведение, мой эфир закончен, я счастлив; кофе на полке, и не ставь, как в прошлый раз, так много тоскливого — песни о смерти о дожде — для Кая...». Кай — это еще один парень с радио... Я проснулся, почти рассвет.

— Зеня, чего? — понял, что мне приснилось, ни на какое радио мне не нужно, и опять заснул...

На пятый день мы пришли. Марк Аврелий увидел дом, заморгал, вспомнил, как они с родителями сюда приезжали, наверное, мы с Каролусом вежливо-дружно посмотрели в сторону реки. На реке был яркий солнечный день; резало глаза; всегда думал, сказал Каролус, как называть вот эту рябь на воде, когда солнце в одном месте как дорожка, искорками, звездочками — будто кто-то бежит... После сопливых секунд оставшийся до заката день мы посвятили разгребанию доми-

ка. Из дневника: «Он был классный, синий снаружи и пыльный внутри и даже — ого! — есть погребок — видно, это семейное, с забродившими и засахаренными вареньями, проросшим картофелем и банками замерзших огурцов. За водой ходим на реку, она в двух шагах, склон с цветами и деревянная лестенка. Огород. Тоже полный цветов. Одичавшая клубника. Заросли малины. Мы нашли кресло-качалку, стол, два гамака; на мансарде — раскладушку и плакат с Харрисоном Фордом. Куча книг — конечно... Марк Аврелий потерял чувство времени, правда, еще два дня назад, когда где-то в лесу забыл часы. Все дни теперь он висит в гамаке между сосной и яблоней и читает. Я спросил что, он ответил счастливо: Конфуций, Цицерон, Стругацкие: «я думал, отец их потерял». Человек нашел свое счастье. Каролюс вылизал домик — паутина в его волосах, как седина. Дни стоят солнечные; он в подкатанных по колено джинсах. Потом, плюнув на приличия, или одежду жалея, в одних трусах-боксерах, почти голый; драит полы, лестницы, сидит на крыше, роется в огороде, бегаёт за водой... Два дня я в поте лица и подмышек помогал Каролюсу, чем мог — правда, скорее путался под ногами: надо придерживать черепицу, а я в небо уставлюсь — на птиц; Каролюс мне по пальцу попадет молотком вместо гвоздя, потому что рука съехала, и весь день извиняется; Марк Аврелий снизу, из гамака — патриций с Горацием — комментирует в сатирическом аспекте наши действия и грозитя нарисовать после комикс «Ди-джей и танцор чинят дом» и выложить в интернет; сделать целую серию скетчей — благо, материал перед глазами — и разбогатеть. Мы же сидим на крыше, солнце слепит глаза, волосы липнут к лицу; Каролюс в трусах, хороших, классное у него белье, боксеры от Дэвида Бэкхема, стремительно загорает; скоро он совсем стал как эльф какой-то — незаметный среди ветвей и вод — вот есть дриады и русалки; а он — духфей-эльф, заманивающий девушек и женщин цветами, ягодами, светлячками вглубь леса — своих сверкающих карих глаз... Употев и умазавшись, в пыли и паутине, разыскивающие и находящие кучи занятных вещей — например, проржавевшую, но рабочую «буржуйку» — мы шли купаться... Вода присутствовала всегда; река — первое и последнее, что мы видели за день. Каждое утро я просыпался оттого, что Каролюс шебур-

шался и уходил встречать рассвет; порой мы шли с ним — либо все вместе, либо я, либо Марк Аврелий... Рассвет на реке похож на рождение — изо дня в день — мы праздновали resurrection. Вода на рассвете холодная до вопля. Каролюс врезается в воду с разбега; потом возвращается и брызгает в молчаливо мерцающего улыбкой Марка Аврелия; тот отмахивается от капель единственным полотенцем, до ухода в лес белым, теперь коричневым. Я захожу в воду по пояс, чувствую, как внизу всё сводит, и мелкие рыбешки кусают меня за ноги; потом зажмуриваюсь и плыву. Иногда по утрам мы собирали саранки на завтрак. Марк Аврелий сказал, что их можно жарить и есть, как грибы. Никогда не видел такие заросли саранок. Мы входили в рыжие, оранжевые поля, поднимая тучи бабочек и шмелей. Красота неопишная. Мы рвали их охапками, сотнями — трава по грудь, всё в росе: «Я вхожу в росу рано-рано поутру...» как в старинных девичьих заговорах. Выходили мокрые, словно из еще одной реки. На вкус саранки похожи на те же грибы; которые, кстати, в отличие от цветов в охапках, я собирать не умел и не умею — Каролюс за месяц в лесу обещался научить меня отличать одну поганку от другой — он в грибном жизненном опыте откуда-то настоящий Борджиа; но — вот к чему веду — на третий день, после обеда: гречка с грибами, травами какими-то душистыми и невероятным количеством перца; я пошел купаться — уже предвкушал, как я лягу спиной на воду, буду смотреть в небо, а потом нырну в глубину — это тебе не человеческая душа — всё твое, что увидишь — как на лесенке из-под моей босости выскользнула лягушка, я содрогнулся и поскользнулся, полетел как-то неловко; я-то, мастер, учивший народ падать на ролевых играх, и тут подвернул лодыжку; на вопль прибежал Каролюс, Марк Аврелий как раз впервые пошел пострелять зверья (принес, кстати, убиенного зайца, Каролюс упал в обморок, потом очнулся и приготовил нечто, что сам назвал «фрикасе из крольчатины», а, по-моему, вкусно было).

— Не умрешь, не умрешь, — повторял Каролюс, побледнев через загар, и веснушки — темноволосым так идут веснушки; у Каролюса их немного — милых, смешных и трогательных; я всё смотрел на них и его ресницы, словно черные крылья; а он растирал мне ногу и так переживал, когда вправлял — но